

Хотя онъ отлично понималъ, что Кукишъ вретъ и льститъ ему превыше всякой мѣры, совсѣмъ не искренно, а ради угожденія; но именно это обстоятельство доставляло ему огромнѣйшее удовольствіе.

Пріятная бесѣда окончилась, однако, не совсѣмъ по-пріятельски.

Дядя Кукишъ началъ просить своего «зятка бральянтоваго», чтобы онъ не забывалъ родственныхъ отношеній, а удѣлилъ ему, Кукишу, десятинокъ семь земли въ аренду, съ пожданьемъ денегъ до вымолота.

Алексѣй Ивановичъ, въ чаду лести и торжества, можетъ быть, и пообѣщалъ бы, если не семь, то «хоша пару десятинокъ»; но тутъ возвратилась домой рябая Катюха и, услыхавъ въ чемъ дѣло, накинулась на брата.

— Проваливай-ка, проваливай! — безцеремонно проводила она его за дверь, почти подталкивая въ спину. — Ишь, какой еще прокурать сискался! Тьфу! Намъ, миленькій, и самимъ еще справиться надоть, безъ тебя тошно: ни коровенки, ни овечекъ. А то на-ка. Семь десятинокъ съ пожданьемъ. Какъ же! Пождатъ съ тебя, видно, покелева въ кабакъ снесешь.

Алексѣй Ивановичъ пытался-было нѣсколько усмирить жену.

— Катюха! — напомнилъ онъ. — Вить, чай, ѣнъ тебѣ не кто да нибудь, а братъ родный.

— Братъ! братъ! Ладно-ка ты, рохля! Небось, какъ въ за-прошломъ году ригу-ту ставили, да просили его на помочь — такъ ѣнъ къ попу на покось сбѣжалъ: на поповскую баранину да на лишнюю рюмку польстился. Тогда, небось, сестру съ зятемъ на шкаликъ промѣнялъ; а таперича — братъ?!

VIII.

На слѣдующее утро состоялся молебенъ.

Богодуховскій батюшка, о. Михаилъ — небольшой, худенькій и сѣденькій человѣкъ съ живыми черными глазами — очень охотно явился на зовъ Алексѣя Ивановича, узнать, по какому чрезвычайному случаю этотъ зовъ воспослѣдовалъ.

Служеніе длилось болѣе получаса. Давно уже о. Михаилъ ни для кого изъ своихъ прихожанъ не вычитывалъ молебенъ съ такимъ рвеніемъ и торжественностью. Весь акаѳистъ пресвятой Дѣвы Маріи произнесъ онъ даже, стоя на колѣняхъ.

Наконецъ, провозгласивъ «многая лѣта» кому полагается,